

УДК 340.130

*А.Е. Загребин, И.Л. Поздеев***ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УДМУРТСКОЙ ОБЩИНЫ-БУСКЕЛЬ**

В статье на примере удмуртской общины-бускель рассматриваются роль и значение правового обычая в регулировании общественных отношений в дореволюционной России. Представлены основные теоретические подходы к пониманию правового обычая как регулятора общественных отношений, выработано рабочее определение понятия. По мнению авторов, общинная жизнь российского крестьянства в целом и удмуртского в частности выработала опыт организации правомерного поведения членов своего общества. Система крестьянского самоуправления позволяла сдерживать серьезные социальные противоречия и конфликты, стараясь формировать у каждого члена общества набор необходимых качеств и моделей поведения. Правовой обычай, понимаемый авторами как исторически сложившееся в культуре этноса общее правило поведения людей, передающееся между поколениями, которому придана форма позитивного права, был одним из наиболее эффективных механизмов постепенного включения членов этнических сообществ в сферу позитивного права Российской империи и организации государственного управления инородческих окраин. Санкционирование правового обычая в дореволюционной России происходило либо в официальной письменно-документированной форме при прямой отсылке к обычаю, либо при молчаливом (фактическом) согласии на применение в практической деятельности органов сельского самоуправления. Многоэтничность России предопределяла возможность применения обычного права в общинных и волостных судах, которые первоначально существовали де-факто, а в дальнейшем получали правовой статус со стороны государства.

Ключевые слова: правовой обычай, сельский сход, волостной суд, община-бускель, удмурты.

Комплексные исследования на стыке нескольких научных дисциплин за последние десятилетия стали одними из самых популярных и развивающихся научных направлений в мировой науке. Взаимосвязанность юридической науки с этнологией, социологией и антропологией послужила толчком к переоценке роли обычного права в целом и правового обычая в частности в развитии и совершенствовании правовой действительности, во взаимосвязи государства и права, воплощении обычаев в законы. В данной работе делается попытка анализа особенностей регулирования общественных отношений правовыми обычаями в дореволюционной России на примере удмуртского этноса.

Можно выделить несколько подходов к осмыслению проблемы обычного права. Прежде всего, данный феномен рассматривается в качестве элемента традиционной культуры. Изучение народных правовых обычаев давно стало неотъемлемой частью работы этнографов, ответственных за сбор и научную интерпретацию материалов о быте, социальной организации и духовной культуре локальных сообществ¹. В качестве примера можно привести актуальное для нашего региона исследование Ю.А. Александрова «Обычное право удмуртов»², в котором обычное право выступает составной частью этнической культуры и неразрывно связано с религиозно-мифологическим мировоззрением удмуртов. Аналогичные работы можно встретить у других исследователей, предметом изучения которых являются особенности культуры этнических общностей³.

Следующим и, пожалуй, одним из наиболее распространенных подходов является рассмотрение обычного права как первичной формы права, первоначального способа создания правовых норм, возникшего до появления государства либо на раннем этапе политического конституирования общества. Так, Р.Л. Хачатуров, вслед за известным теоретиком права С.С. Алексеевым, указывает, говоря о восточных славянах, что обычное право в древнерусском обществе было отличным от обычаев первобытного строя и предназначалось для регулирования общественных отношений в обществе, со-

¹ Загребин А.Е. Обычное право – этноправосудие – юридическая антропология: историко-этнографический прецедент // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 2. С. 9.

² Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 272 с.

³ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. Изд. 2-е [репр.]. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. 382 с.; Плоцкая О.А., Кухарчук А.В. Институты уголовного и административного права в обычном праве у коми (зырян) в XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-2 (35). С. 131-135.

стоящем из социальных групп и классов⁴. Вполне логично, что рамках такого подхода сформировалась точка зрения, согласно которой обычное право характерно только для догосударственного общества и в современных условиях практически не функционирует⁵.

Выделяемый третий подход характеризуется отношением к обычному праву как к юридической норме, подкрепленной давностью применения. В данном случае правовой обычай выступает источником права и представляет собой «неоднократно и достаточно широко применяемое правило поведения, отражающее правовое содержание общественных отношений, которому придана форма позитивного права»⁶.

Не отрицая возможности использования различных теоретических подходов в изучении вопросов правового обычая, в данной работе предпочтение отдано устоявшемуся в отечественной юридической науке позитивистскому взгляду и сформулировано рабочее определение правового обычая, включающего в себя исторически сложившееся в культуре этноса общее правило поведения людей, передающееся между поколениями, которому придана форма позитивного права. При этом обычное право выступает совокупностью неписанных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их многократного применения и существующих вне зависимости от государственного регулирования. Санкционирование государством нормы обычая превращает эту норму в правовую, а обычай – в правовой обычай. Гарантирование исполнения государством придает обычаю статус общеобязательной нормы.

Для сельского (аграрного) общества дореволюционной России субъектами обычно-правовых отношений выступали не только и не столько люди, сколько коллективные образования, в том числе общины, надобщинные объединения и образования, племена, роды (фамилии) и семьи. Сфера деятельности сельской общины была чрезвычайно широка. В качестве основных функции сельской общины исследователи отмечают земельно-хозяйственную, окладную (фискальную), охрану порядка, коллективного протеста, религиозно-этическую, культурную, а также воспроизводство традиций⁷.

Для удмуртского социума основополагающим структурным компонентом выступала соседская поземельная община-*бускель*, регулировавшая практически все сферы жизнедеятельности деревенского мира удмуртов, а также семья, выступавшая в качестве основной хозяйственной единицы общины. Согласно функциональному подходу деятельность общины во многом направлена на самосохранение общности и этноса⁸, обеспечиваемого путем формирования, хранения и передачи этнокультурных традиций. По своему характеру община представляла собой соседскую общину («*бускельёс*» – соседи), «организованную на демократических началах во главе с сельским сходом как законодательным органом, состоявшим из всех имевшихся в общине домохозяйств»⁹. По замечанию В.Е. Владыкина, в структуре общинной организации основной единицей часто выступало не столько домохозяйство или человек, сколько устойчивое объединение родственников¹⁰. Следует отметить, что термин «*бускельёс*» в удмуртском языке сохранился и до наших дней, обозначая соседей, жителей одного конца деревенской улицы.

По мнению М. О. Косвена, изучавшего в 30-е гг. XIX в. родовую структуру удмуртов, у них и к тому времени, несмотря на развитие новых, «социалистических» отношений в деревне, «стойко сохраняется религиозно-культовое значение рода»¹¹. Во многом члены рода осознавали свою связь через культ предков – почитание *воришуда* (божества-покровителя рода или семьи). Данный семейно-родовой культ практически всегда выступал фактором объединения кровных родственников, имею-

⁴ Хачатуров Р.Л. Обычное право как источник права // Вектор науки ТГУ. 2012. № 4 (22). С. 343-345.

⁵ Аксенов И.Ч., Свечникова Л.Г. Теория обычного права в этнологических, теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях // Право и политика. 2002. № 12. С. 105-115.

⁶ Малова О.В. Правовой обычай как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.

⁷ Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. №5. С. 70-80.

⁸ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического анализа (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. С. 26.

⁹ Александров Ю.В. Указ. соч. С. 52.

¹⁰ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 258.

¹¹ Косвен М. Распад родовой строя у удмуртов // На удмуртские темы / Уч. зап. НИИ народов Сов. Востока при ЦИК СССР. М.: Центр. Изд-во народов СССР, 1931. С. 33.

щих представление об общем происхождении (общем предке). Поскольку воршудная организация охватывала практически весь удмуртский этнос, то практически каждый удмурт знал, к какому воршуду он принадлежит.

В.Н. Харузина отмечала, что удмурты «в былое время селились так, что в одной деревне жили только семьи, родственные друг другу»¹². Родственные отношения формировали особое чувство близости, межличностные связи здесь были крепче, чем просто отношения между соседями. И во многом благодаря этому, если член общины попадал в беду, вся деревня оказывала ему поддержку: «в случае нужды ссужали всем необходимым нуждающегося сочлена»¹³, «вся деревня за него ходатайствует, не жалеет денег»¹⁴.

Жизнестойкость общины обуславливалась сохранением и межпоколенной передачей культурного опыта. К примеру, община требовала от родителей воспитания у детей таких качеств, которые были востребованы данной общностью, она формировала необходимый идеал личности. Семья должна была создать условия и воспитать будущего члена общества, что также контролировалось общиной. Кроме того, община регулировала взаимоотношения родителей и детей. Исследователь удмуртской общины Г.А. Никитина видит причину подобной зависимости удмуртов от общины ещё и в том, что их «родовому» общинному сознанию приходилось сталкиваться во внешнем окружении с большим числом угроз и опасностей, чем сознанию русских. И чтобы «снять» опасность, приходилось её маркировать, вырабатывать дополнительные защитные механизмы на уровне сознания, поведения, хозяйственной, ритуальной и иной деятельности¹⁵. Видимо, поэтому удмурт как бы растворялся в общине, здесь он чувствовал себя органичной частью целого, здесь все были ему близки, все были носителями той же культуры, что и он сам. Подобная ситуация давала ощущение комфорта и безопасности. Удмурту для психологической, эмоциональной стабильности часто было просто необходимо находиться в общине, среди своих, придерживаться традиций, что позволяло воспроизводить этничность¹⁶.

Формируемые в удмуртском обществе у каждого индивида черты характера по возможности должны были облегчать взаимное сосуществование членов общности, способствовать межпоколенной передаче традиций и обычаев, поддерживать выполнение правовых норм и обычаев. Социальная норма только тогда может служить регулятором, когда все воспринимают её в качестве обязательного образца поведения. Впитываемые с «молоком матери» образцы поведения, безусловно, способствовали повышению эффективности регулирования общественных отношений правовым обычаем.

Основным распорядительным органом в общине являлся сельский сход – *кенеш*, что в переводе на русский язык означает «совет, наставление, собрание, сходка»¹⁷. Кенеш представлял собой низшее звено местного самоуправления, выступая посредником между общиной и волостными властями. Государство стремилось регулировать деятельность сельского схода, и основным нормативным актом здесь выступал Свод законов о состояниях¹⁸, консолидировавший законодательные акты о сословиях в России и составивший девятый том общего Свода законов Российской империи, содержащий в том числе «Положения о сельских состояниях»¹⁹.

¹² Харузина В.Н. Вотяки // Народы России. М: Тип. Общества распространения полезных книг, 1898. С. 26.

¹³ Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1904. №4. С. 30.

¹⁴ Кошурников В.С. Быт вотяков Сарапульского уезда, Вятской губернии. Казань: Тип. Императорского университета, 1880. С. 38.

¹⁵ Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.) Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. С. 88.

¹⁶ Поздеев И.Л. Некоторые аспекты этнической социализации в традиционном обществе // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. ст. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. С. 89.

¹⁷ Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.): монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 49.

¹⁸ Свод законов о состояниях // Свод Законов Российской Империи: в 5 кн. / под. ред. И.Д. Мортухай-Болтовского. Кн. 3. Т. IX. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/205/>.

¹⁹ Положения о сельском состоянии. Особые приложения к законам о состояниях // Свод Законов Российской Империи: в 5 кн. / под. ред. И.Д. Мортухай-Болтовского. Кн. 3. Т. IX. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/208/473.html#img474>.

Удмурты на территории современной Удмуртской Республики в основной своей массе входили в сословие государственных крестьян. Согласно Своду законов о состояниях, крестьяне объединялись в сельские общества, вопросы которых решал сельский сход: «Сельские обыватели составляют, по делам хозяйственным, сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединяются в волости. В каждом сельском обществе и в каждой волости заведывание общественными делами предоставляется миру и его избранным»²⁰. Земли и угодья находились в общем пользовании и были изъяты из гражданского оборота. Общество могло также приобретать земли: «Сельское общество может, на основании общих законов, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество может распоряжаться по своему усмотрению»²¹.

Как видим, законодатель нормативно предоставил сельскому обществу определенную свободу действий, регулируемых далее правовым обычаем. Таким же образом регулируется общественное управление общиной, включающей в себя деятельность сельского схода и выборного крестьянского аппарата в составе сельского старосты, сборщика податей, сотских и десятских, смотрителей амбаров и школ, пожарного старосты, лесного сторожа и др.

Спектр вопросов, решаемых в рамках сельского схода, был разнообразен и широк и выходил за рамки только экономических дел, которые первоначально возлагал законодатель на общину. Удмуртская община-*кенеш*, как уже говорилось выше, регулировала практически все сферы жизни общинного коллектива. Подобную регламентацию наглядно проиллюстрировал Г.Е. Верещагин: «Начало каждого рода полевой работы, и время пирушки по случаю той или иной работы назначается общиной, и никто в отдельности не может начать никакой полевой работы, не вправе работать и во время жертвоприношений»²². Практически все решения выносились на основе норм обычного права, решения *кенеша* носили обязательный характер, в том числе и при проведении обрядов аграрного календарного цикла. Стоит обратить внимание на обстоятельство, которое современный человек не всегда может осознавать: в мифологическом сознании удмуртского крестьянина единственной возможностью как-то повлиять на стабильность мира, бытия являлось обязательное проведение обрядов. Невысокий уровень развития производительных сил, зависимость от природных явлений, когда засуха или проливные дожди могут привести к гибели урожая, заставляли человека традиционного общества строго следовать соблюдению обрядов. Поэтому участие в них было обязательным для всех членов общины (за исключением обрядов, касающихся семейной и родовой сферы), вплоть до наказания.

Мифологическая картина мира сформировала также у удмуртов систему запретов-табу. Являясь формой объяснения мира, а также конкретными, свернутыми до формулы правилами поведения, возведенными в закон и освещенными опытом предшествующих поколений²³, поверья и запреты выступали составной частью системы этносоциальной регламентации, которая делала жизнедеятельность этноса нормативно стабильным. Поверья регламентировали весь жизненный цикл человека. П. М. Богаевский писал, что удмурты крайне суеверны, и каждый шаг их жизни обставлен какой-либо приметой (исследователь фактически имел в виду запреты) и описывал некоторые из них: «Без еды утром не ходи к своим соседям; если поссоришься с кем, то прежде чем говорить с домашними, притронься пальцем к печке; после пожара не принимай погоревших в течение трех суток...»²⁴. В этом случае можно согласиться с мнением Р. Л. Хачатурова, который считал, что система табу является системой обычаев, но облечена она в форму религиозного запрета²⁵ и выступает механизмом регулирования и координирования действий людей.

Одним из наиболее ярких обычаев являлось оказание безвозмездной помощи сородичам – помочей (удм. *веме*). В любой крестьянской общине и аграрном обществе независимо от этничности существовало правило помогать друг другу в реализации трудоемких задач. Так, строительство дома и других усадебных построек, выполнение значительных по объему работ в хозяйстве, как правило,

²⁰ Свод законов о состояниях. С. 83.

²¹ Там же. С. 84.

²² Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 115.

²³ Владыкин В.Е. Указ. соч. С. 278.

²⁴ Богаевский П.М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом Музее. М., 1888. Вып. III. С. 15-16.

²⁵ Хачатуров Р.Л. Указ. соч. С. 344.

осуществлялись сообща – всем миром. Кроме того, в основе помочей лежит принцип совместной безвозмездной помощи односельчанам, попавшим в затруднительное положение, или взаимовыручки, практиковавшейся для аккордного завершения какого-либо вида работ у отдельного хозяина. Каждый член общины четко понимал, что нужно помочь соседу, который обязательно заметит участие в деле или отказ со стороны каждого приглашенного члена общины, хотя в скором времени такого же рода помощь может пригодиться и отказавшему человеку²⁶.

М.М. Громыко разработал классификацию, выделив три типа помочей. Первый тип – проведение помочей последовательно у каждого из участников по какому-либо виду работ. По свидетельству автора, широко применяется при вывозке навоза на паровые поля, разминании льна, прядении и т. д. Второй тип – участие общины в работах в хозяйстве одного работника, оказавшегося в неблагоприятных условиях по стечению обстоятельств (например, несчастный случай). Устраивались такие помочи для пахоты, сева, косьбы, жатвы, стройки и других видов работ. Третий тип – помочи, организованные отдельными хозяевами для выполнения определенного вида хозяйственных работ²⁷. На основе данной классификации подробный анализ помочей, распространенных в удмуртской общине второй половины XIX в., был проведен Г.А. Никитиной²⁸. Так, взаимная последовательная помощь общинниками организовывалась при обмолоте зерна и некоторых видах женских работ. Коллективная взаимопомощь второго типа проводилась по решению сельского схода в хозяйстве одного домохозяина, оказавшегося в неблагоприятной ситуации в силу каких-либо причин, например, пожара, тяжелой болезни и т.д. Аналогичная помощь оказывалась одиноким солдаткам, вдовам, будь то возка дров или строительство дома. Помочи третьего типа обычно проводились по инициативе отдельного домохозяина, например, при возведении сруба нового дома. Добавим, что общественное мнение осуждало отказавшихся принять участие в помочи, особенно если *веме* организовывалось миром. Каждый член общины должен был в них участвовать в меру своих сил и возможностей. Также обязательным было участие общинников при проведении коллективных работ в интересах всей общины, в том числе возведение общественных и религиозных построек, постройке мостов, ремонте дорог и пр.

Классической иллюстрацией правового обычая с имеющейся прямой отсылкой в нормативно-правовом акте является регулирование отношений, связанных с опекой над малолетними сиротами, где указывается, что «попечение о личности и об имуществе малолетних сирот крестьян возлагается по месту жительства или нахождения недвижимого имущества, на обязанность сельских или волостных обществ, а также Сиротского Суда или того места, которое отправляет его должность. В назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех сего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями»²⁹.

Следует отметить, что для традиционного удмуртского общества характерно было наличие больших (неразделенных) семей. По мнению историка М.В. Гришкиной, естественный процесс распада большой семьи и замещение её нуклеарной приостановился ко второй половине XVIII в. С этого времени начинается новое движение по усложнению родственной и поколенной структуры, выражавшееся в основном в выдвигании на первый план братских неразделенных семей (с проживанием в одной семье нескольких женатых братьев, дядей и т.п.), а также отцовских неразделенных семей (с проживанием в одной семье родителей и женатых сыновей)³⁰. Поэтому опека над осиротевшими детьми возлагалась прежде всего на близких родственников. От негласного правила родственной помощи опекуны не могли отказаться, какой бы тяжелой и нежелательной она не была. Соответственно, для удмуртов было важно заботиться и опекать членов своего рода, с которыми их связывают общие предки, общие божества-прародители, который с ним «одной крови».

Остановимся на рассмотрении выполнения еще одной функции общины – судебной. Этот вид деятельности *кенеша* частично санкционировался законом, частично осуществлялся самостоятельно, исходя из обычаев, характерных для удмуртов. Существовало несколько форм общинных судов. Самый простой из них был суд сельского старосты как лица официального. Он решал вопросы о мелких

²⁶ Назмутдинова И.К. Семейный этикет в системе традиционной и современной культуры удмуртов: дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2015. С. 165.

²⁷ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. С. 37.

²⁸ Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.). С. 100.

²⁹ Положения о сельском состоянии. С. 1.

³⁰ Гришкина М.В. Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII – первой половины XIX в. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. I. С. 209.

земельных исках и спорах, выступал инициатором принятия определенных санкций к неплательщикам налогов, недоимщикам, к уклоняющимся от отбывания натуральных повинностей, иногда в единоличном порядке разрешал семейные споры и т. д.³¹ Данной функцией старосту наделяло общество, выбрав его на эту должность, и государство. В частности, «сельскому старосте предоставляется право, за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственными, подвергать виновных назначению на общественные работы до двух дней или денежному, в пользу мирских сумм, взысканию до одного рубля, или аресту, не более двух дней»³².

Также практиковался суд старосты со стариками – старейшими и уважаемыми членами общины, умудренные жизненным опытом. В так называемый малый кенеш входили также и наиболее имущие крестьяне. Данный орган решал дела, которые не касались всей деревни или требовали оперативного реагирования на ситуацию.

Гораздо чаще функции суда в общине исполнял сельский сход домохозяев. Суд сельского схода-кенеш в глазах удмуртских крестьян долгое время продолжал сохранять беспристрастие и справедливость, и к нему они обращались при всех житейских проблемах, спорах, недоразумениях³³. В сферу действия данного суда попадали практически все области – землевладение и землепользование, семейное право (вопросы брака, развода, усыновления), наследование, право опеки, прижизненный раздел собственности, некоторые гражданские правонарушения, обязательства (традиционные договоры о мене, найме на работу).

Меры наказания, применяемые общинным судом, находились в прямой зависимости от вида преступления. *Кенеш* имел право, согласно российскому законодательству, подвергнуть виновных денежному штрафу, публичным телесным наказаниям, заключению в «кутузку» при волостном правлении, снятию с должности, устранению от участия в сходах, отлучению от молений, высылке в Сибирь или изгнанию из деревни. Так, в ведении сельского схода находилось «удаление из крестьянского общества тех из проживающих в его среде членов оно, дальнейшее пребывание коих в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности»³⁴.

Однако существовала еще одна форма общественного наказания – расправа членов общины с провинившимися без ведома официальных властей, обычно оканчивавшаяся смертью обвиняемого. Никитина Г.А. определяет данную форму как «самосуд», возможно, подчеркивая тем самым «тайность» и незаконность данного явления. Самосуд чаще всего совершался при следующих обстоятельствах: 1) недостаточная оперативность властей, их снисходительность к нарушителям общинных порядков; 2) поимка с поличным на месте преступления; 3) тайное решение общинников подвергнуть наказанию явного нарушителя, против которого отсутствуют формальные доказательства; 4) неисполнение общинных обязанностей³⁵. К примеру, часто самосудом заканчивалась поимка конокрадов, поскольку кража лошадей – основной производительной силы крестьянина – была одним из самых страшных преступлений, ставящих сельскую семью на грань выживания. К конокрадам, застигнутым на месте преступления, крестьяне были безжалостны, и примеров тому множество вне зависимости от этнической принадлежности. Так, крестьяне Орловского уезда Курской губернии с конокрадами, пойманными с лошадьми, поступали жестоко, «редко донося начальству, а большей частью расправляясь самосудом, т.е. бьют его до тех пор, пока он упадет полумертвым»³⁶.

Как видим, для сельского общества были характерны патриархальные формы разрешения локальных правовых конфликтов: суды стариков, сельского старосты, сельских сходов. Однако стороны спора могли апеллировать в вышестоящий судебный орган – волостной суд. Волостной суд создавался на уровне волости, представлявшей из себя несколько «состоящих в одном уезде и, по возможности, смежных сельских обществ». Количество жителей волости составляло от «трехсот ревизских мужского пола душ, а наибольшее около двух тысяч». Наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от центра составляло около двенадцати верст³⁷.

³¹ Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.). С. 129.

³² Положения о сельском состоянии. С. 21.

³³ Никитина Г.А. Там же. С. 130.

³⁴ Положения о сельском состоянии. С. 17.

³⁵ Никитина Г.А. Там же. С. 134.

³⁶ Безгин В.Г. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX– начала XX века. Тамбов, 2012. С. 106.

³⁷ Положения о сельском состоянии. С. 15.

Данный суд, по мнению исследователей, представлял собой первый официальный крестьянский суд, призванный разрешать правовые споры на основе норм обычного права³⁸. В состав суда входили четверо судий, назначаемых земским участковым начальником из состава кандидатов, предложенных сельскими обществами³⁹. Кандидаты избирались на трехлетний срок. На должность волостного судьи избирались крестьяне-домохозяева, не моложе тридцати пяти лет и пользовавшиеся уважением своих односельчан. «Не могут быть избираемы: 1) лица, судившиеся за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества и судебными приговорами неоправданные, а равно подвергшиеся по суду телесному наказанию, заключению в тюрьму или иному более строгому наказанию; 2) содержатели заведений для раздробительной (розничной) торговли напитками, и 3) лица, занимающие другие должности по волостному или сельскому управлению»⁴⁰.

В ведении волостного суда находились следующие дела: «из числа гражданских: 1) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; 2) всякого рода споры и тяжбы между лицами, подведомственными Волостному Суду, ценою до трехсот рублей; 3) дела по наследованию и разделам между наследниками крестьянского имущества. Из числа дел уголовных разбирательству Волостного Суда подлежат проступки подведомственных ему лиц, если цена похищенного или присвоенного имущества не превышает пятидесяти рублей, и если притом кража или мошенничество учинены в первой или во второй раз. Сверх сего, разбирательству Волостного Суда подлежат также следующее проступки упомянутых лиц: 1) охота в запрещенное время, в недозволенных местах, запрещенными способами...; 2) нарушение рабочим договора найма, заключенного без договорного листа...; 3) мотовство и пьянство, если пороки эти влекут за собою расстройство хозяйства»⁴¹.

В нашем случае интересной является норма, прописанная в ст. 135 «Временных правил о волостном суде», согласно которой «Волостной Суд решает дела по совести, на основании имеющихся в деле доказательств. При разрешении тяжб и споров между крестьянами, в особенности же дел о разделе крестьянского наследства, Суд руководствуется местными обычаями»⁴². Руководствуясь принципом невмешательства в устоявшийся порядок крестьянской жизни, законодатель предоставил волостному суду право принимать окончательные решения, которые по существу не подлежали обжалованию. Таким образом, волостные суды стали фактически единственным органом правосудия, где закон и обычное право легально сосуществовали, взаимодействовали и противоборствовали.

Основываясь на материалах, собранных в Самарской губернии, представлявшей во второй половине XIX в. одну из обширных и многонациональных земледельческих провинций Российской империи, Н.Г. Тараканова делает вывод, что волостной суд признавался местным населением в целом необходимым и полезным учреждением. Главными аргументами в его пользу служили территориальная близость и простота судопроизводства. Так, при опросе крестьян Спасской волости Самарского уезда выяснилось, что до мирового судьи их отделяет около пятидесяти верст, тогда как самый дальний волостной судья живет не более чем в пятнадцати верстах от волостного правления⁴³.

Свои жалобы крестьяне могли подать как в письменной, так и в словесной форме волостному старшине или напрямую в суд в день заседания. Дела о взыскании недоимок, «о дурном нетрезвом поведении» возникали, как правило, по заявлениям самого старшины. Им же назначался день судебного заседания, созывались судьи и контролировалось исполнение судебных решений. По распоряжению волостного старшины вызывались через сельских старост стороны и свидетели. Не было исключением из правил и непосредственное участие волостных старшин и писарей в разбирательстве дел в суде, хотя закон и предусматривал невмешательство лиц местной администрации в судебный процесс. По признанию самих крестьянских судей, подавляющая часть которых были безграмотны,

³⁸ Тараканова Н.Г. Волостной (крестьянский) суд в пореформенной России: историческая обусловленность или политическая предопределенность? // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всерос. (XI межрегиональной) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17-19 октября 2010 г.) / отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 438-445.

³⁹ Положения о сельском состоянии. С. 27.

⁴⁰ Там же. С. 29.

⁴¹ Там же. С. 27-28.

⁴² Там же. С. 29.

⁴³ Тараканова Н.Г. Указ. соч. С. 441.

они обращались к волостному старшине и писарю за советом и те «высказывали им свой взгляд на подлежащее решению дело», зачитывали соответствующие законы⁴⁴.

Удмурты старались большинство конфликтов решать внутри общины, поэтому случаи обращения в волостной суд среди удмуртов были редки⁴⁵. Во многом это было вызвано тем, что все вопросы они решали на уровне *кенеша*, и его решение носило обязательный характер. В.М. Бехтерев отмечал, что «решение схода всеми исполняется обязательно, и нарушитель становится предметом общего презрения и получает прозвище «*куштон*» (букв. «брошенный»), то есть негодный человек для общества»⁴⁶. Во многом это связано еще с этнокультурной и этноязыковой самоизоляцией удмуртского общества.

Возможно, такая психологическая реакция сложилась у удмуртов исторически, под воздействием иноэтничного окружения. С начала XIX в. усиливается приток русского населения на территорию Удмуртии. Происходит интенсификация межэтнических контактов, что приводит к усилению эмоциональной напряженности⁴⁷. Кроме того, более ощутимой становится проблема малоземелья, усугубляющая взаимное недовольство, которое формировало и соответствующие этнические образы. Опыт иноэтнических контактов сформировал у удмуртов представление о внешнем окружении как о достаточно агрессивной среде, угрожающей целостности этноса. Часто это все усугублялось массовыми злоупотреблениями членов административного аппарата, представленного преимущественно русскими, по отношению к удмуртскому населению, а также насильственной христианизацией, часто осуществляемой с помощью угроз и полицейских мер.

В связи с этим суд «равных» внутри удмуртской общины, на основе традиций и обычаев понятных и принимаемых с самого детства, был наиболее близок и понятен удмуртам, позволяя без лишних материальных и временных затрат уладить свои споры доступным правовым способом, защитить личный и общественный интересы.

Таким образом, мирской сход являлся органом общинного самоуправления, через который общественные отношения крестьян-удмуртов облекались в обычно-правовую форму. Российская власть не имела возможности для эффективного управления всей массой российского крестьянства, в том числе удмуртского. Поэтому законодатель пошел на вполне разумный компромисс: с одной стороны, возложил на общину фискальные и административные обязательства, а с другой стороны – сделал решения *кенеша*, которые принимались на основе норм обычного права, обязательными для исполнения. Возможно, это была единственная практически осуществимая возможность не оставить многомиллионную часть населения без официального правового разрешения споров, вытекающих из повседневной крестьянской жизни.

Поступила в редакцию 25.04.16

A.Ye. Zagrebin, I.L. Pozdeev

LEGAL CUSTOM IN THE PRACTICE OF SOCIAL REGULATION OF THE UDMURT COMMUNITY-BUSKEL

This paper is concerned with the role and importance of customs in legal regulation of social relations in pre-revolutionary Russia. As an example, Udmurt communities-buskel are considered. The main theoretical approaches to the understanding of the legal custom as a regulator of social relations are presented and a working definition of the concept is given. According to the authors, the communal life of the Russian peasantry in general and that of the Udmurt peasantry in particular has developed experience in the organization of lawful behavior of members of their society. The system of peasant self-government allowed containing serious social contradictions and conflicts and was aimed at developing a set of required qualities and behaviors in every member of society. Legal custom, which is regarded by the authors as a general rule of human behavior historically rooted in the culture of an ethnos and transmitted across generations and which has the form of positive law, was one of the most effective mechanisms for gradually integrating the members of ethnic communities into the sphere of the positive law of the Russian Empire and the organi-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Александров Ю.В. Указ. соч. 82.

⁴⁶ Бехтерев В.М. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. № 8. С. 644.

⁴⁷ Шкляев Г.К. Традиции и новации в межэтническом поведении удмуртов // Традиционное поведение и общество удмуртов: сб. ст. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. С. 80.

zation of public administration of non-Russian borderlands. The authorization of a legal custom in pre-revolutionary Russia occurred either in formal written documented form, with direct reference to custom, or with silent (actual) consent to the use in the practical activity of bodies of rural self-government. The multi-ethnicity of Russia determined the possibility of applying customary law in communal and volost courts, which originally existed as de facto, and subsequently received a legal status from the state.

Keywords: legal custom, rural meetings, parish court, community-buskel, Udmurts.

Загребин Алексей Егорович,
доктор исторических наук, профессор, директор
E-mail: zagreb72@izh.com

Поздеев Игорь Леонидович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела исторических исследований
E-mail: pozdeev79@gmail.com

ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка
и литературы» Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

Zagrebina A.E.,
Doctor of History, Professor, director
E-mail: zagreb72@izh.com

Pozdeev I.L.,
Candidate of History, Research scientist
at Department of historical researches
E-mail: pozdeev79@gmail.com

Udmurt institute of history, language and literature
of the Ural office of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004